

Кокуев Сергей Борисович.

Дело Краузе Я.М.

Автореферат кандидатской диссертации

Кокуев, Сергей Борисович. Дело Краузе Я.М. : 1937-1940 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. С.-Петерб. гос. ун-т. 260. Санкт-Петербург.2005. .Государство и право. Юридические науки -- Судебные процессы -- СССР -- Уголовные процессы --

СОДЕРЖАНИЕ

Введение...3 — 26

Глава I. Истоки и обстоятельства формирования «краузещины» как преступного явления в Ленинграде во второй половине 30-х годов...27 -75

§ 1. снабжение населения города и факторы его криминализации...27-47

§2. Борьба с экономической преступностью чрезвычайными методами...47-75

Глава II. Механизм фабрикации уголовных дел Ленинградским ОБХСС и его последствия...76 - 136

§ 1. Технология фальсификации уголовных дел и ее результаты...76 - 103

§2. Реабилитация жертв «краузещины» в конце 30-х годов: первый опыт и итоги...103 - 136

Заключение...137- 151

Список источников и литературы...152 - 164

Приложения...165 - 192

Введение

Актуальность темы исследования. Преступления против человечности не имеют сроков давности. И даже когда из жизни уходят их непосредственные вдохновители и исполнители, память любого общества всегда пытается вынести свой непосредственный вердикт по поводу случившегося. Такая оценка необходима, потому, что она свидетельствует о наличии в нем развитого охранительного инстинкта, с одной стороны, и стремления выявить, осмыслить и искоренить причины, генерирующие общественное неблагополучие, насилие, тиранию, с другой.

Очередная попытка вернуться к событиям второй половины 30-х гг. в советской России, и на их фоне детально проанализировать механизм чудовищной компрометации большевистской идеи социальной справедливости при реализации принципов социалистической законности,

вновь предпринимается в настоящем исследовании. Автору показалось удобным через одно, весьма знаковое для конца 30-х - нач. 40-х гг. уголовное дело, по обвинению бывшего руководства одного из отделов Управления РКМ УНКВД Ленинградской области в массовых беззакониях и произволе, вскрыть подлинный механизм властвования коммунистического режима, специфику применения уголовно-процессуального инструментария в интересах его поддержания.

При таком подходе представляется возможность, во-первых, подтвердить или опровергнуть устойчивое утверждение о некоей заданности массовых истребительных «чисток» в истории российского общества, а также о якобы извечном дирижизме этими процессами «сверху» и безропотном заклании масс «снизу».

Во-вторых, через историко-правовую экспертизу, современное расследование 12-ти томного уголовного дела по обвинению бывшего начальника ОБХСС УРКМ УНКВД ЛО Краузе ЯМ. и его помощников, может быть реконструирована сложная и противоречивая картина хозяйственно-экономического обустройства советского общества 30-х гг. вообще и Ленинграда в частности.

В — третьих, скорее именно это «Дело Краузе Я. М. (1937-1940 гг.)» дает полное представление о лаборатории фабрикации уголовных дел сотрудниками милиции, переквалификации части из них в т.н. «контрреволюционные», антисоветские дела. При этом изучение технологии фальсификации такого рода дел помогает понять всю глубину системного порока НКВД СССР, различных его структур в период сталинизма, а также заметить следы прошлого в повседневной практике современных подразделений российских правоохранительных органов, с целью решительного их пресечения.

Таким образом, предпринятое исследование не ограничивается анатомированием, как принято выражаться сегодня «милицейского беспредела», а в комплексе рассмотреть такое явление как «краузеvщина» - разновидность ведомственно-бюрократического властвования на местах, при котором в ход шли самые циничные и бесчеловечные методы разрешения жизненно-важных проблем населения Ленинграда, неслыханные приемы палачества и фальсификации всей судебной следственной системы и ее процедуры.

Историография проблемы. Как уже отмечалось выше, «Дело Краузе Я.М.» получило свое развитие во второй половине 30-х гг. и совпало с проведением в стране массовых репрессий. Именно в контексте этих процессов следует искать ответы на то, каким образом произошел отказ органов госбезопасности, милиции, суда и прокуратуры от установленных нормативно-правовых положений в части уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Следует заметить, что практически до конца 50-х гг. в отечественной историографии тема репрессий не звучала вообще, а массовые беззакония органов власти и управления в ходе их проведения не были предметом обсуждений и исследования. Пожалуй впервые признание факта, что политические обвинения и репрессии в конце 30-х гг. были результатом преднамеренной фальсификации, исходящей от высшего руководства страны, произошло в известном докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду партии 25 февраля 1956 г. «О культе личности и его последствиях»¹.

В докладе осуждению подвергся, главным образом, сам культ И.Сталина и связанные с ним беззакония, а причины этих явлений тщательному анализу подвержены не были. В то же время ценным было то, что материалы доклада давали довольно полное представление об идеологии и принципах фальсификации самого тезиса о якобы «возрастающем классовом сопротивлении» в ходе социалистического строительства и усилении государственного насилия в результате этого. Не мало места в нем занимало описание конкретных сюжетов личного вмешательства И. Сталина в процедуру расследования разного рода дел, прямых указаний по обвинению арестованных и т.п. Одновременно Н. Хрущев возложил ответственность за репрессии исключительно на И. Сталина и сотрудников НКВД. Отсюда фактически замалчивались вопросы, каким образом репрессии приобрели такой масштаб, почему возникали те или иные политические дела, какова была технология их фабрикации и т.д. Не решенными они остались и в последующих исследованиях.

Только в последние годы было опубликовано множество работ, в той или иной степени затрагивающих проблему массовых репрессий 20-40-х гг., их масштабы, причины и последствия. Следует признать, что их авторы проделали огромный труд не только по восстановлению причинно-

следственных связей между большевистским социальным экспериментированием и выбором форм государственного принуждения, но и попытались обнаружить истоки непреодолимого стремления правящего режима к всеильному властвованию. Несмотря на огромный фактический материал в них, исследователи в то же время почти повсеместно избежали тщательного анализа «опредмечивания» этого повседневного насилия, в котором различные фабрикация дел играли едва ли не ключевую роль. Другие исследователи (такие как В. Земсков, А. Дугин)³ предпочитают опираться на опубликованные, ранее секретные документы, стремясь не подменять установленные ими факты различными идеологическими мифами. В силу определенной «социологической» заданности этих работ, почти совсем не прозвучали вопросы о «лаборатории» палачества, в том числе и лагерного, «опыт» которого, к сожалению, так легко усваивался и в других структурах НКВД.

Во многих работах особый упор был сделан на анализ таких вопросов, какова мера ответственности за организацию репрессий партийно-советского аппарата, карательных органов и общества в целом. Так Р. Конквест прямо говорит о том, что партийные лидеры в центре и регионах (в частности А. Жданов в Ленинграде) являлись инициаторами террора и постоянно побуждали органы НКВД к его активизации и расширению масштабов⁴. А. Яковлев в своих сочинениях указывает на ответственность тех или иных деятелей из окружения Сталина (А. Жданова, К. Ворошилова, Н. Хрущева, А. Микояна, Г. Маленкова и др.) за участие в репрессиях, за развязывание и проведение террора⁵. При этом исследователь, однако, обходит вопрос, насколько действия партийных деятелей (как и работников НКВД) были обусловлены их инициативой, а насколько сложившейся системой, действующей уже по своим законам, часто вопреки воле своих создателей.

Несмотря на различные мнения о природе террора 30-40-х гг., этапы его развития довольно хорошо изучены. В то же время, многие аспекты генерации репрессий остаются малоизученными. Одним из них является вопрос о повседневной жизни в условиях репрессий советского общества, отношении рядовых граждан к репрессивной политике и, вообще, мера ответственности общества в целом за события 30-40-х гг. В историографии традиционной стала точка зрения противопоставления общества и государства в сталинскую эпоху. Начало ей положили труды невозвращенцев и эмигрантов (Ф.Раскольников, И.Солоневича, М.Розанова и др.)⁶, в

которых ответственность за террор возводилась исключительно на партийно-советские «верхи», действовавшие вопреки воле большинства народа. В крайнем случае, исследователи-эмигранты признавали, что простые обыватели являются «пассивными соучастниками», которые из-за страха, молчанием способствовали преступлениям власти⁷. Подобная точка зрения оставалась преобладающей и в дальнейшем.

В 90-е гг. появился ряд интересных работ, посвященных сопротивлению общества массовому террору в 30-е гг. Их авторы подчеркивают, что в обществе и государственном аппарате существовали значительные силы, находящиеся в оппозиции сталинской системе, и что именно ощущение наличия этой оппозиционности подтолкнуло Сталина к началу «Большого террора». Как писал В. Серж: «С выстрела Николаева началась эра паники и жестокости»⁸, власти, уверенные в наличии мощной оппозиции, предприняли необходимые, по их мнению, меры по ее уничтожению, спровоцировав активизацию репрессий. Одни авторы (в частности авторы сборника «Они не молчали»)⁹, связывали эту оппозиционность с существованием в обществе «витающего в воздухе» недовольства социально-экономической политикой режима, другие (как, например О.Хлевнюк)¹⁰ подчеркивали, что наряду со сторонниками «жесткого курса» в партии до 1937 г. существовали довольно влиятельные «умеренные силы», пользующиеся значительной поддержкой в общественных слоях. Однако практически во всех работах, посвященных проблеме общества и террора, обходятся молчанием такие проблемы как «синдром жертвы», «массовое стукачество», одобрение террора социальными низами как средства «наказания зарвавшихся чиновников», роль в причинном комплексе репрессий «нетерпения общества», стремление его разрешить свои проблемы упрощенными, в том числе карательными методами. Так, говоря о тенденциях разоблачительства в обществе 30-х гг., часть исследователей предпочитает отделяться общими фразами о том, что большинство разоблачителей «составляли ущемленные в чем-то подонки общества, мстившие всему миру за свои неудачи, а порой просто психически неполноценные люди»¹¹.

Все эти проблемы не получили должного освещения. Например, еще недостаточно полно изучена проблема того, насколько конкретна доля участия в массовых репрессиях различных подразделений госбезопасности, милиции и прокуратуры. Большинство работ, рассматривающих историю

специальных служб советской России (В. Романовская, А. Кокурин, Н. Петров и др.)¹² затрагивают подобные вопросы лишь косвенно, уделяя внимание, главным образом, организационным изменениям в правоохранительной системе СССР в этот период.

В последние годы появились публикации, посвященные, главным образом, деятельности органов госбезопасности в 30-40-е гг. Оценивая их участие в репрессиях, авторы данных исследований делают вывод о вынужденном характере подчинения органов НКВД партийным установкам и заметном изменении их кадрового состава к середине 30-х гг.¹³ Так, В. Некрасов, затрагивая в своем биографическом исследовании тему репрессий, вообще отказывается от каких-либо авторских оценок о роли руководителей НКВД в развертывании террора. Приводя различные взгляды и документы, он считает, что «определяющими началами для меня при работе над книгой были документы, правда, а не эмоции и домыслы, как это нередко бывает... Пусть выводы читатель делает сам»¹⁴.

В то же время ряд исследователей, занимавшихся историей органов госбезопасности на региональном уровне, обратились к исследованию того влияния, которое оказывал на деятельность спецслужб образовательный, интеллектуальный и профессиональный уровень их сотрудников.

Деятельность Ленинградского УНКВД в этом аспекте рассматривается в трудах Е. Лукина и В. Бережкова¹⁵. Эти исследователи одними из первых попытались через биографические данные и служебные характеристики наиболее видных чекистов Ленинграда понять природу массового участия сотрудников госбезопасности в беззакониях 30-40-х гг. и сопротивления части работников системы ВЧК-ОГПУ-НКВД, творимому их коллегами произволу. В результате своего анализа эти исследователи пришли к выводу, что, как отмечает В.Бережков, сотрудники госбезопасности в годы большого террора ощущали себя «винтиками», которые подлежали «замене при любой попытке иметь мнение, отличное от позиции руководства»¹⁶.

В работах, посвященных функционированию НКВД в период массовых репрессий 30-х гг., фактически не затронуты такие вопросы, как технология фабрикации уголовных дел, комплекс причин идеологического, психологического и бытового характера, повлиявших на активное включение большинства аппаратов НКВД в процесс «изобличения врагов народа», попытки властей «реабилитировать» незаконно пострадавших и организация

в рамках самой карательной системы преследования фальсификаторов уголовных дел и т.д. Также не проанализирован вопрос, в какой мере репрессии 1936-1938 гг. были следствием партийных установок И. Сталина; а в какой степени эти репрессии стали логичным продолжением основных принципов работы органов ВЧК-ОГПУ и представлений их сотрудников о целях и задачах своей работы, которые сложились еще в первое послереволюционное десятилетие, о содержании которых обстоятельно изложил в своей монографии историк В. Измозик¹⁷.

В этом отношении интерес представляет монография О. Мозохина, посвященная деятельности экономических отделов ОГПУ в 20-30-е гг.¹⁸. Автор убедительно показывает, как объединение в одних руках борьбы с контрреволюционными проявлениями и экономической преступностью привели к началу «политизации» криминальных проявлений в области экономики, разворачиванию процесса превращения таких нарушений уголовного законодательства, как хищения, контрабанда, взяточничество в дела об экономической контрреволюции. Однако автор доводит свое исследование только до 1934 г., не рассматривая, как разворачивалась деятельность экономических подразделений НКВД и созданной на их основе службы БХСС в органах милиции во второй половине 30-х гг.

Гораздо в меньшей степени, чем участие органов госбезопасности в сталинских репрессиях изучена роль в их разворачивании других правоохранительных органов: прокуратуры, милиции и суда.

Исследования деятельности этих органов, появившиеся в советский период практически замалчивали вопрос о воздействии сталинской идеологии и террора 30-х гг. на правоохранительную систему страны¹⁹. Вообще описание работы этих органов в 30-е гг. давалось исключительно в положительных тонах, без упоминаний о каких-либо недостатках, тем более вызванных идеологическими и политическими причинами.

Следует помнить, что в последние пятнадцать лет положение существенно изменилось. Так, в 90-е гг. появился ряд работ, посвященных анализу положительных и отрицательных сторон в деятельности органов прокуратуры сталинского периода. Например, вопросы ответственности сотрудников прокуратуры за участие в репрессиях затрагивались в сборнике статей по истории прокуратуры, главным образом в работах А. Звягинцева и Ю. Орлова²⁰.

В этот период выделяется два подхода к оценке роли прокуратуры в репрессиях 30-х гг. Если одни авторы (В. Кудрявцев, А. Трусов, Ю. Стецевский)²¹ считали, что прокуратура была активным проводником и участником большого террора, другие (уже упомянутые А. Звягинцев и Ю. Орлов, а также В. Бобренев и В. Рязанцев)²² исходили из того, что при рассмотрении политических дел в 1936-1938 гг. работники прокуратуры были фактически лишены возможности вести контроль за соблюдением законности органами госбезопасности и подвергались постоянному давлению со стороны органов НКВД и партийного аппарата.

Наиболее взвешенной позиции, на наш взгляд, придерживается автор фундаментального труда о функционировании прокуратуры и суда в Сталинскую эпоху П. Соломон . Он проанализировал на богатом архивном материале кадровый состав органов юстиции, нормативно-правовую базу, взаимоотношения их с органами НКВД и партийными инстанциями в этот период. На основе этого анализа исследователь приходит к обоснованному выводу, что утвердившаяся в 30-е гг. идеологическая концепция об обострении классовой борьбы рассматривала уголовные преступления, как одну из форм этой борьбы. Это делало неизбежным ужесточение правоохранительной политики и превращения борьбы с уголовными проявлениями в одну из линий репрессий против классово-враждебных элементов. Тем самым логика ситуации неизбежно вовлекала прокуратуру и другие правоохранительные органы в репрессивную практику, превращая их в одно из орудий сталинских чисток. В то же время П. Соломон подчеркивает, что действия прокуратуры в 1936-1938 гг. были во многом вынужденными, и ее сотрудники не являлись, в отличие от работников системы НКВД, инициаторами нарушений соцзаконности, хотя нередко и «закрывали глаза» на подобные факты.

Несравненно меньше освещено участие в репрессиях 30-х гг. органов советской милиции. В большинстве работ, опубликованных в 90-е гг., тема репрессий ограничивалась описанием чисток в среде сотрудников милиции, которые значительно ослабили деятельность органов внутренних дел²⁴. Такие аспекты, как участие органов милиции в политическом терроре 30-х гг. в них практически не рассматривались. Исключением стал «Исторический очерк» , вышедший к 200-летию МВД России. В главе, посвященной деятельности органов внутренних дел в 1921 - 1941 гг. прослеживается как изменения политического режима в 20-30-е гг. влияли на характер

деятельности органов милиции, рассматриваются формы участия ее сотрудников в репрессивных акциях. Однако в силу поставленной задачи (осветить деятельность МВД за двести лет) авторы монографии затрагивают данные проблемы лишь эпизодически.

В последние годы появился ряд работ, посвященных исследованию истории органов внутренних дел в сталинскую эпоху на региональном материале. Так, деятельность ленинградской милиции в 30-е гг. исследуются Е. Потемкиной, Н. Крапивиной. Эти авторы изучают такие проблемы, как кадровое и материальное обеспечение органов рабоче-крестьянской милиции Ленинграда, деятельность их информационных и кадровых подразделений, работы по обеспечению общественного порядка и борьбы с преступностью и т.д. В них в самых общих чертах затрагиваются и вопросы участия органов милиции в репрессивных акциях против населения.

Некоторые аспекты влияния сталинского режима на правоохранительную политику в стране в 20-30-е гг. рассматриваются и в работах других историков. Так, М. Гринберг оценивает, какую роль в репрессиях сыграли изменения в уголовном законодательстве 20-30-х гг., В. Попов анализируя судебную практику 30-40-х гг., подробно останавливается на проблеме, как ужесточение сталинского режима отражалось на практике наказаний, как за политические, так и за уголовные преступления²⁷.

Изучению аспектов включения в репрессии различных государственных органов посвящены исследования В. Иванова²⁸. В своих работах В. Иванов создает комплексную картину механизма массовых репрессий на Северо-Западе России, анализирует участие в терроре партийно-советских органов, органов государственной безопасности, милиции, прокуратуры, суда и т.д.

Особое внимание он уделяет исследованию инструментария фабрикации уголовных дел по линии органов государственной безопасности на Северо-Западе РСФСР в упомянутые годы. Четвертая глава его сочинения «Миссия Ордена...» была полностью посвящена этой проблеме. Наблюдения автора позволяют сформировать целостное представление не только о деятельности УГБ УНКВД ЛО в конце 30-х гг. по выполнению указаний центральных и местных властей, но и об участии конкретных сотрудников в фальсификации обвинений, физическом насилии над арестованными, беззаконии и произволе. Затрагиваются в работе и проблемы «бериевской» реабилитации на Северо-Западе РСФСР, показывается ее ведомственный

характер. В самых общих чертах упоминается и о «Деле Краузе Я.М.», обращая основное внимание на попытку многих оперативных подразделений ленинградской милиции «идти в ногу с аналогичными структурами госбезопасности». Однако, учитывая значительный объем материала, который исследует автор, проблематика участия в репрессивных акциях оперативных подразделений милиции затрагивается им фрагментарно, как один из многих сюжетов.

Таким образом, на сегодняшний день в исторической литературе отсутствуют исследования, посвященные проблеме вовлечения оперативных подразделений милиции (в т.ч. органов БХСС) в развертывание массового террора второй половины 30-х гг., явно недостаточно представлен анализ и оценки данного явления, как на общесоюзном, так и региональном уровне. В частности фактически не изучены причины возникновения и массового распространения в советской милиции 30-х гг. преступной практики фабрикации уголовных дел и придания им чрезвычайного характера (например, перевода уголовных преступлений в разряд контрреволюционных).

Недостаточно изучена, с точки зрения исследователя и другая важная проблема, - какие аспекты общественного развития в 20-30-е годы подтолкнули И. Сталина и его окружение к развертыванию массового террора. Неудачи в формировании «нового человека», сложности в построении социально-экономической основы социалистического общества, хозяйственно-бытовая неустроенность воспринимались властью, на наш взгляд, как следствие сознательного сопротивления и являлись причинами репрессий 30-х гг.

Недостаточно исследованными оказались вопросы повседневной жизни советского общества, и особенно те факторы, которые позволяли простым гражданам выживать в условиях перманентного кризиса и тотального дефицита сталинской эпохи. В советский период объективная картина социального развития и быта в 30-е гг. либо замалчивалась²⁹, либо, ответственность за трудности в снабжении, недостатки товаров возлагалась на местную администрацию, а повсеместный дефицит объяснялся «временными сложностями роста»³⁰.

В 90-е гг. ситуация изменилась. Как отечественные, так и западные историки проявляют серьезный интерес к истории советской повседневности 30-40-х

гг. За последние десять лет появился целый ряд работ, посвященных как анализу советской повседневности в целом³¹, так и ее отдельных аспектов: организация снабжения, общественные настроения, девиантные проявления в обществе, сочетание частных и государственных интересов в жизни различных социальных прослоек и т.д.³².

Важную роль в исследовании сталинской повседневности играет изучение возникновения и развития элементов нелегального рыночного снабжения населения — «черного рынка». По существу становление «черного рынка», во многом определило государственную политику 30-х гг. и линию властей на ужесточение уголовно-правовой политики и расширение полномочий карательных органов, что являлось одним из факторов развертывания террора. В советской историографии «черный рынок» как социально-экономический феномен фактически не рассматривался. В этом плане особое место занимает анализ т.н. «черного рынка», который, как замечает диссертант, явился в 30-е годы одним из факторов развертывания террора. «Черный рынок» в 30-40-е гг. оценивался исключительно с уголовно-правовой точки зрения, а его существование сводилось до понятия спекуляции. В свою очередь, в 30-е гг. спекуляция рассматривалась как один из способов подрыва социально-чуждыми элементами основ социалистической экономики. В более поздний период исследователи, занимавшиеся проблемой спекуляции, вообще избегали анализировать социальные основы данного явления, ограничиваясь лишь его уголовно-правовой характеристикой³⁴.

В эти же годы были опубликованы научные труды, в которых анализировались роль и место «черного рынка» в сталинском обществе. Среди западных исследователей, занимающихся данной проблематикой можно выделить Ш. Фицпатрик, которая, прибегая к изучению в основном открытых источников, пришла к выводу о том, что с начала 30-х гг. в сталинском СССР начинает складываться «вторая» (т.е. теневая - С.К.) экономика³⁵.

В современной отечественной историографии развитие «черного рынка» и в целом нелегальных экономических институтов в предвоенные годы стало предметом исследования Е. Осокиной³⁶. Анализируя систему снабжения в 30-е гг., меры, к которым прибегало население, чтобы «добрать» недодаваемое государственными органами снабжения, она приходит к

выводу, что формирование «черного рынка» в сталинскую эпоху стало закономерным итогом утверждения государственно-плановой экономики и ее неперенным спутником. Работы Е. Осокиной носят общесоюзный характер и не затрагивают региональных особенностей в тех или иных районах Советской России, в т.ч. и в Ленинграде.

На сегодняшний день единственное исследование, рассматривающее различные аспекты развития «черного рынка» в Ленинграде, принадлежит перу И. Говорова, но автор изучает развитие этого процесса лишь в послевоенный период, фактически не рассматривая ситуацию 30-х гг.³⁷

Таким образом, анализ историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что избранная для исследования диссертантом тема разработана недостаточно. По существу вопросы участия органов милиции в «большом терроре 30-х гг.» и социальных причин, способствовавших этому, фактически не изучены. Особенно не разработанными оказались эти проблемы на региональном уровне. В имеющихся публикациях по ним, содержится скорее постановка проблемы или раскрываются частные вопросы. Целостно проблема не изучалась, а потому нуждается в дальнейшей научной разработке.

Объектом исследования является деятельность Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией Управления Рабоче-Крестьянской милиции (ОБХСС УРКМ) УНКВД по Ленинградской области, возглавляемого Краузе Я.М., по выполнению заданий органов государственной безопасности и осуществлению политики массовых репрессий в предвоенные годы.

Предметом исследования автор избрал технологию фабрикации уголовных дел во второй половине 30-х гг., механизм использования органов милиции для развертывания массового террора, его направленность и последствия в Ленинграде и области.

Цель и задачи исследования. Опираясь на широкий круг источников и работы предшественников, автор поставил перед собой цель: на примере функционирования Ленинградского ОБХСС раскрыть характер и особенности вовлечения в массовый террор органов милиции, а также изменения в их деятельности в период развертывания и ослабления массового террора во второй половине 30-х гг.

В соответствии с целью исследования определены следующие задачи:

- проследить процесс организации снабжения населения Ленинграда всем необходимым для повседневной жизни, после отмены карточной системы, его сильные и слабые стороны;
- рассмотреть динамику развития спекуляции, хозяйственной преступности в целом в Ленинграде во второй половине 30-х гг., тенденции складывания в городе «черного рынка», роль, которую он играл в снабжении горожан;
- исследовать комплекс мер, предпринимаемых правоохранительными органами по борьбе с криминализацией хозяйственно-экономической жизни в городе;
- выявить изменения во взглядах руководства страны на проблему преступности и методы ее подавления в обстановке начавшихся массовых политических репрессий конца 30-х гг.;
- проанализировать причины формирования и особенности функционирования органов ОБХСС в 1937-1938 гг., причины превращения их из органов борьбы с экономической преступностью в одну из вспомогательных структур подразделений государственной безопасности, специализировавшихся на политических репрессиях;
- раскрыть методику фальсификации уголовных дел оперативными сотрудниками ОБХСС и превращения их в политические, а также технологию, применяемую ими для фабрикации доказательств;
- реконструировать общую картину поведения жертв массовых репрессий в их взаимоотношениях с карательной системой.
- проанализировать причины и характер изменения репрессивной политики государства в конце 1938- начале 1939 гг., особенности, масштаб и границы, так называемой «бериевской» реабилитации, теоретическое обоснование и практическое воплощение линии на борьбу с нарушениями социалистической законности и чистки органов НКВД в этот период.

Учитывая сложность и неразработанность избранной диссертантом темы, географические рамки исследования ограничиваются Ленинградом, крупным мегаполисом, в котором действовали закономерности социально-

экономического и политического развития, характерные, на наш взгляд, для предвоенной Советской России в целом.

Хронологические рамки исследования. Хотя деятельность первого руководства Ленинградского ОБХСС, ставшая основой для так называемого «Дела Краузе ЯМ.» пришлось на 1937 - 1938 гг., диссертант посчитал необходимым несколько расширить хронологические рамки работы, главным образом, для понимания специфики самого уголовного дела, истоки которого закладывались чуть раньше. Так, нижнюю хронологическую рамку автор определил с конца 1934 г., когда после отмены карточной системы сложились, по его мнению, условия, которые привели к созданию аппаратов ОБХСС и обусловили специфику их деятельности в 1937-1938 гг. Верхняя граница исследования определена 1940 г., так как именно в этом году завершилось расследование деятельности Я. Краузе и его помощников и состоялся судебный процесс над ними.

Методология данного диссертационного исследования основана на принципах научной объективности и историзма. При написании работы использовались общенаучный, проблемно-исторический, историографический, статистический и другие методы.

Источники. Основную источниковую базу исследования составили материалы и документы, находящиеся главным образом в фондах местных архивов: Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД Санкт-Петербурга), Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге (ЛОГАВ), Отдела специальных фондов Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО), Службы регистрации и архивных фондов Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (СРАФ УФСБ по СПб и области).

<http://www.dslib.net/istoria-otechestva/delo-krauze-ja-m-1937-1940-gg.html>